

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ КОЛЫМЫ

Былинная традиция Колымы неоднократно становилась предметом научного осмысления. В 1896–1900 годах В. Ф. Миллер публикует с комментариями записи колымского песенного эпоса, сделанные В. Г. Богоразом.¹ Чуть позднее, в 1901 году, Богораз этот же материал печатает в своем «Областном словаре колымского русского наречия».² Колымские былины попадают в сборники сводного характера, например, в «Былины Сибири» В. М. Сидельникова (Томск, 1968). В 1991 году они находят место в фундаментальном издании серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» — в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока».³ В этой книге напечатаны все колымские былины, бывшие в поле зрения составителей — Ю. И. Смирнова и Т. С. Шенталинской. В 1992 году якутский фольклорист Л. Н. Скрыбыкина, бывшая аспирантом Института русской литературы (Пушкинский Дом), уже не успевшая воспользоваться результатами издания Смирнова и Шенталинской, защитила кандидатскую диссертацию «Былины русского населения Северо-Востока Сибири», а через три года вышла в свет ее небольшая монография,⁴ где рассматриваются былины Индигирки (Русского Устья), Колымы и Анадыря (с. Марково). Скрыбыкина, опираясь на архивные материалы, уделяет большое внимание текстологическим проблемам. В конце книги в Приложении она публикует по рукописным оригиналам колымские былинные записи В. Г. Богораза и якутского фольклориста С. И. Боло (всего 24 текста), причем в рукописях первого собирателя исследовательница выявила существенно больше (пусть и фрагментарных) текстов, чем опубликовано в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока». Следует сказать, что публикации одних и тех же записей у Миллера и Богораза местами существенно разнятся. Равным образом значительные разночтения имеются в изданиях Смирнова и Скрыбыкиной. Не вдаваясь в текстологические проблемы колымских записей, мы основной будем считать публикацию Л. Н. Скрыбыкиной. Последние по времени архивные находки колымских былин (архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН) были сделаны О. И. Чариной.

¹ Миллер В. Ф. 1) Новые записи былин в Якутской области // Этнографическое обозрение. 1896. № 2/3. С. 72–106; 2) Новые записи былин в Якутской области // Известия ОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 36–78. Далее ссылки на данные издания приводятся в тексте сокращенно: Миллер 1896 и Миллер 1900, с указанием номера страницы.

² Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901. С. 179–193, 195–198 (Сборник ОРЯС; т. 68, № 4). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Богораз, с указанием номера текста.

³ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: РЭПС, с указанием номера текста.

⁴ Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. Новосибирск, 1995. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Скрыбыкина, с указанием номера текста.

В материалах советника Якутского областного управления Д. И. Меликова она обнаружила записи 1893 года. Текст былины о Тите Харафонтьевиче был опубликован исследовательницей дважды — в 2011 и в 2013 году.⁵

Заметим, что в издании Ю. И. Смирнова и Т. С. Шенталинской былинный материал всей Сибири (бассейн Оби и Иртыша, Алтай, бассейны Енисея и Ангары, Лены и Нижней Тунгуски, Индигирки, Колымы, Анадыря, Забайкалье) расположен по сюжетам, соответственно и комментарии в центре внимания держат сюжет. Л. Н. Скрыбкина также совокупно сосредоточивается на сюжетах, зафиксированных в Русском Устье, на Колыме и Анадыре. Основной метод ее исследования — сравнение текстов трех региональных традиций, причем эталонными записями былин для фольклористики нередко становятся былины Кирши Данилова, т. е. далекий Уральский регион. Мы же, естественно, не оставляя в стороне сюжет, центром внимания попытаемся сделать самую колымскую региональную былинную традицию. Данная статья является продолжением наших системных описаний других сибирских эпических регионов — Енисея и Ангары, Русского Устья.⁶

Река Колыма (2129 км), впадающая в Колымский залив Восточно-Сибирского моря, в 110 км от моря, образуя дельту, делится на рукава: Каменная Колыма, Походская и Чукочьа (с запада на восток). Открытие для русских людей Колымы связано с двумя именами — Дмитрий Зырян и Михаил Стадухин. Дмитрий Зырян, по-видимому, выходец с Печоры или Мезени, коми-зырянин, в 1640 году сухим путем на лошадях добрался из Якутска на р. Яну, а в 1641 году — на Индигирку (Русское Устье), где, зазимовав, построил острог и кочи — судна, способные передвигаться по морю. В 1642 году морем он направился на восток и прошел к р. Алазее (1590 км, впадает в Восточно-Сибирское море). На Алазее Дмитрий Зырян собрал ясак с юкагиров, впервые встретился с «оленными чукчами», кочевавшими в этом районе. Весной 1644 года он со своим отрядом сухим путем вышел к нижнему течению Колымы. В 1645 году Дмитрий Зырян был начальником Нижнеколымского зимовья, где он и скончался в 1646 году.

Одновременно с Дмитрием Зыряном, но морем к Колыме подошли Михаил Стадухин и Семен Дежнев. Михаил Васильевич Стадухин предположительно был выходцем с Пинеги. В 1641 году он вместе со своим отрядом оказался на Индигирке. В 1643/1644 годах Стадухин спустился на коче к морю, повернул на восток и вошел в Колыму. Здесь произошла его встреча с Дмитрием Зыряном. На острове, образуемом протоками, Стадухин поставил зимовье, на месте которого в последние годы производились археологические раскопки. Были обнаружены остатки изб и амбаров со следами пожара, рыболовные снаряды и даже шахматные фигуры. Археологи считают, что это поселение просуществовало около 120 лет, а потом было заброшено. Жители ушли в Нижнеколымск.⁷

⁵ Чарина О. И. 1) Былина о Тите Харафонтьевиче, записанная Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае Якутской области в 1893 году // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 35–45 (далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Чарина 2011, с указанием номера страницы); 2) Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 428–431, 435–436 (далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Чарина 2013, с указанием номера страницы).

⁶ Иванова Т. Г. 1) Былинная традиция в бывшем Енисейском округе (уезде) // Эпосоведение. 2023. № 1. С. 23–37; 2) Былинная традиция Русского Устья // Там же. № 4. С. 5–24.

⁷ Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск, 1996. С. 29–54; Визгалов Г. П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме, результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск,

Собрав ясак пушным зверем, в 1645 году Стадухин вернулся на Лену в Якутск. Впоследствии в 1649 году он продолжил обследование новых земель, в том числе и рек Большой и Малый Анюй (правые притоки Колымы) и Анадырь. В феврале–марте 1651 года Стадухин достиг р. Пенжина и затем проплыл вдоль северного побережья Охотского моря, зазимовав у устья р. Гижиги. В Якутск он вернулся в 1659 году. Известно, что в чине атамана Стадухин был отправлен в Москву, где скончался в 1666 году.

В низовьях Колымы в 1644 году Михаилом Стадухиным было поставлено еще одно, помимо зимовья Дмитрия Зыряна, зимовье (и тоже на острове), в 1655 году превращенное в Нижнеколымский острог, позднее получивший статус *г. Нижнеколымск*. В 1645–1646 годах здесь зимовал Семен Дежнев, выдержавший нападение юкагиров. В Нижнеколымском остроге с 1647 года устраивались ярмарки, на которые приезжали торговцы и промышленники из Якутска. Здесь стоял гарнизон в 8–10 казаков; управлялся острог приказчиками из Якутска. Впрочем, чаще приказчики сидели не в Нижнеколымске, а в Среднеколымске. В 1647 году на всей Колыме насчитывалось уже 396 человек.⁸ Нижнеколымск неоднократно подвергался нападениям со стороны чукчей (1653, 1656, 1659, 1662, 1678, 1679, 1685, 1687 годы). Последнее нападение случилось в 1710 году. В 1680-е годы Нижнеколымск пережил эпидемию оспы, после чего начался его упадок, чему способствовало и прекращение ярмарок.

Дворянин из Великих Лук, известный мореплаватель, исследователь Арктического побережья Дмитрий Яковлевич Лаптев (1701–1771), оказавшийся в Нижнеколымске во время экспедиции 1739–1741 годов, записывал: «Прибыли в Нижне-Колымский острог, который стоит на острове, в нем жилья десять дворов: настоящих жителей 3 двора да семь служилых анадырской партии для сохранения того острога от чукчей».⁹

В 1750–1760-е годы поселение было перенесено на 21 км к югу в местность, безопасную от наводнений, — напротив впадения правых притоков Колымы рек Малый и Большой Анюй. Известно, что в 1762 году в Нижнеколымске проживало 874 жителя, из них мужчин — 638 (250 казаков и 290 промышленников). В середине 1770-х годов большая часть гарнизона была выведена из города. В 1786 году, после эпидемии оспы, там оставалось всего 66 человек. До конца XVIII века основным населением Колымы были служилые казаки; с 1780-х годов сюда потянулись крестьяне; на Колыму, чтобы ее заселить, стали отправлять ссыльных.

Нижнеколымск на конец XIX века описан А. Трифоновым.¹⁰ Жители верили в суседко (домового), которому приносили жертвоприношение. На святки рядили, гадали, совершали обходы домов (приведен текст виноградаря). Словом, определенные черты модели русской фольклорной традиции здесь реализовывались.

Нижнеколымск, по сути дела, прекратил существование в 1968 году. Жители переселились в другие места.¹¹

2011. С. 40–48; *Строгова Е. А.* Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования // *Арктика и Север: Электронный журнал*. 2014. № 16. С. 144–152.

⁸ *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 55 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; т. 89); *Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004. С. 44.

⁹ Цит. по: *Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.* Нижнеколымск // *Сокровища культуры Якутии*. Якутск, 2011. С. 723.

¹⁰ *Трифонов А.* Заметки о Нижнеколымске // *Известия Сибирского отделения императорского Русского географического общества*. Иркутск, 1872. Т. 3. № 3. С. 160–166.

¹¹ См. о Нижнеколымске: *Зуев А. С.* Нижнеколымск // *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 481.

Записи песенно-эпических произведений в Нижнеколымском крае впервые были сделаны в 1893 году ссылкой среднеколымчанином С. Г. Власовым, передавшим их впоследствии Д. И. Меликову. Дмитрий Иванович Меликов (1851 — после 1932), выпускник юридического факультета Казанского университета (1878), некоторое время бывший прокурором Якутской области, всю жизнь прослужил в Якутии. С 1891 по 1897 год, т. е. на время записи им фольклорно-этнографических материалов, он являлся советником Якутского областного управления. В 1920-е годы Меликов работал в различных советских учреждениях, а в 1932 году числился рабочим Сангарских угольных копей (Чарина 2011, с. 35–36). В 1893 году Меликов по служебному заданию совершил поездку по северо-востоку Сибири, что нашло место в рукописи его «Путевых записок». На Нижней Колыме по его просьбе ссылкой (политический?) Семен Григорьевич Власов записал две былины.

В 1895 году Владимир Германович Богораз (1865–1936), член народнических революционных организаций, арестованный в 1889 году и сосланный в Среднеколымск, вместе с еще несколькими политическими ссылными был приглашен принять участие в экспедиции по изучению народов Сибири. Экспедиция была организована золотопромышленником И. М. Сибиряковым совместно с Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества. Богоразу было поручено обследование Колымы и Чукотки. На Нижней Колыме в заимке Черноусово в 1895 году этнограф встретился со сказителем Михаилом Филипповичем Соколовым — лучшим былинщиком края.¹² Третьим собирателем в Нижнеколымске стала С. А. Федосеева (1959), а затем Т. А. Селюкова (1961), зафиксировавшие единичные тексты.

Второе историческое поселение Колымы — *Походск*, стоящий на Походской протоке в 40 км от нынешнего пос. Черский. Поселение начиналось с одного из зимовий, возможно основанных Стадухиным, по-видимому, около 1647 года. Известно, что в 1857 году здесь стояло 15 домов.¹³ Походск начал значительно расти с 1920-х годов, когда сюда стали переселяться жители других малых селений (заимок Край Леса, Затишь, Черноусово, Первый Камень, Керетово).¹⁴ Современные этнографы определяют походчан как отдельный субэтнос. Браки с аборигенным населением изменили антропологический облик русских жителей, придав им монголоидные черты. Определенное влияние юкагиров сказалось на говоре. На 2000-е годы в Походске проживало около 300 человек.¹⁵

В 1896 году В. Г. Богораз в Походске записал былинку «Илья Муромец на Соколе-корабле»; в 1940 году здесь работал якутский фольклорист С. И. Боло, зафиксировавший старину «Про Добрыню Микитьевича».

На Колыме имеются еще два исторических поселения — упомянутый *Среднеколымск* и *Верхнеколымск*. Укажем, что, по сути дела, оба эти города относятся к нижнему течению реки; их названия отражают расположение по отношению друг к другу. Среднеколымск находится на левом берегу Колымы в месте впадения в нее р. Анкудинки. Считается, что город вырос из зимовья,

¹² См. о В. Г. Богоразе: *Шенталинская Т. С.* Богораз Владимир Германович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2016. Т. 1. С. 391–400.

¹³ См. о Походске в книге, отсутствующей в библиотеках Санкт-Петербурга, но доступной в источниках интернет-ресурсов: *Чикачев А. Г.* Походск: Старинное русское село на Колыме. Иркутск, 1993.

¹⁴ *Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири. С. 44–52, 91–97, 128–134, 233–238.

¹⁵ *Бузин В. С., Егоров С. Б.* Субэтносты русских: Проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы. СПб., 2008. С. 329–330 (Историческая этнография; вып. 3).

поставленного в 1644 году Михаилом Стадухиным. Однако местное предание связывает строительство зимовья с Герасимом Анкудиновым, спутником Семёна Дежнева. Не случайно город стоит у р. Анкудинки. Первоначальное название поселения — Ярмонга (Ярмарка), так как здесь в первые годы его существования устраивались ярмарки, собиравшие промышленников и аборигенное население. В 1764 году в Среднеколымске стояла Троицкая церковь, 10 домов, в которых проживало 60 человек; «годовали», т. е. отбывали по-сменно службу 8–10 казаков.¹⁶ В 1775 году острог получил статус города; в 1882 году был определен центром Колымского округа.

Имеется весьма выразительное свидетельство П. Рябова о брачных связях пришлых русских и местных аборигенных народов: «В Среднеколымске есть <...> целое поколение мещан и купцов, происшедшее от одного, как говорят, бежавшего от солдатчины великоросса Михаила Б-ва, среди которого сохранились лица с великорусским обликом. Сын этого беглого в 1-й раз был женат на якутке, от которой имел 6 сыновей и 6 дочерей; от второй жены, русской, он прижил также шесть сыновей и шесть дочерей. Как первая серия — от якутки, так и вторая — от русской, имеют в настоящее время своих представителей, приходящихся правнуками и праправнуками Михаилу Б-ву. Члены второй серии довольно хорошо удержали великорусский облик, хотя и не вполне, так как брачились с колымчанками. Большинство из них рослы, белолицы, с каштановыми волосами, голубыми или серыми глазами, с густой светлой бородой и с довольно правильной русской речью, хотя и по-якутски они говорят превосходно. Есть также отрасль, происходящая от первой серии, где мужчины и женщины одинаково утратили великорусский тип, мало чем отличаются от природных колымчан и носят явные следы якутской крови».¹⁷

В XIX веке Среднеколымск стал местом ссылки. Здесь в свое время оказался декабрист Н. С. Бобрищев-Пушкин, а затем названные нами С. Г. Власов и народник В. Г. Богораз. Последний в 1895 году записал в Среднеколымске былинку «Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии» (сюжет «Михаил Данилович — малолетний богатырь»).

Верхнеколымск — самое маленькое из исторических поселений Колымы. Селение было основано как зимовье в 1645 году Петром Новоселовым. Отражая основную функцию зимовья (сбор ясака), речка, на которой был поставлен Верхнеколымск, получила имя Ясашной. Во второй половине XIX века здесь стояла церковь, находился рыбный магазин (склад); проживал всего 31 человек. В конце 1930-х годов Верхнеколымск стал зоной ГУЛАГа.¹⁸ В Верхнеколымске записи былин не производились.

Этнографы выделяют отдельный от походчан субэтнос колымчан, которые, как и походчане, несмотря на браки с юкагирами и якутами, сохранили русское самосознание и язык.¹⁹ Былины, следует особо подчеркнуть, являлись важнейшим фактором сохранения русского самосознания. Одновременно колымчане в XIX веке, как свидетельствует П. Рябков, «все знают якутский язык и, нужно сказать, лучше, чем родной».²⁰ Колымчане, как и рускоустыинцы на Индигирке, по-видимому, долгое время находились в ситуации

¹⁶ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Среднеколымск // Сокровища культуры Якутии. С. 718–722. См. также: Среднеколымск // Энциклопедия Якутии. М., 2000. Т. 1. С. 34; Раев Д. В., Резун Д. Я., Туманик Е. Н. Среднеколымск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 170.

¹⁷ Рябков П. Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе) // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 9–10.

¹⁸ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Верхнеколымск // Сокровища культуры Якутии. С. 718–722. См. также: Зуев А. С. Верхнеколымский острог // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. С. 304.

¹⁹ Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтносты русских. С. 329.

²⁰ Рябков П. Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе). С. 15.

«фольклорного двуязычия», когда для них одинаково актуальным был и русский, и якутский фольклор. Рябков пишет, например: «Колымчанин очень охотно слушает якута-сказочника». ²¹ Записи русского фольклора на Колыме в 1905 году были сделаны Е. П. Поповым (баллада, историческая песня, сатирические песни на местные темы, сказки). ²²

И. С. Гурвич, изучивший документы, относящиеся к Нижнеколымскому краю, называет регионы, откуда из Европейской России шли поселенцы: устюжане, лалетины, кокшары, вычегжане, южаки, важенины, выметяне, пинежане, холмогорцы, цылемцы, вятчане, мезенцы, сысолятины, кайгородцы, сольвычегодцы, олончане, карелы, пустозерцы. ²³ Следовательно, былинная традиция Нижней Колымы, как и Енисея, Ангара, Лены и Индигирки, уходит своими корнями в песенно-эпическую традицию Русского Севера.

Представим имеющиеся сведения о колымских былинах в таблице:

№	Сюжет	Сказитель и место записи	Собиратель и год записи	Публикация
1	Добрыня и Змей	Сокоиков Михаил (Кулдарь), заимка Черноусово ²⁴ (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 5; РЭПС, № 19 Первые публ.: Миллер 1896, с. 86–88; Богораз, № 2
2	Добрыня и Змей		С. Г. Власов / Д. И. Меликов	Чарина 2013, № 12, с. 435–436
3	Добрыня и Змей (отр.)		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 8
4	Добрыня и Змей		С. И. Боло, 1940	Скрыбыкина, № 22
5	Добрыня и Маринка	Четверикова Арина, дочь М. Соковинова, г. Нижнеколымск	В. Г. Богораз, 1896, лето	Скрыбыкина, № 9; РЭПС, № 149 Первые публ.: Миллер 1900, с. 65–67; Богораз, № 9
6	Добрыня и Маринка (нач.)		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 1
7	Добрыня и Алеша (отр.) Атрибуция сюжета сомнительна		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 11
8	Добрыня и Настасья + Добрыня и Змей + Добрыня и Алеша (проза)	П. Н. Новгородов, пос. Походск	С. И. Боло, 1940	Скрыбыкина, № 24; РЭПС, № 128

²¹ Там же. С. 18.

²² Попов Е. Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме // Этнографическое обозрение. 1907. № 1/2. С. 159–181.

²³ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. С. 58. См. также: Строгова Е. А. 1) Стадухинский острог в исторических источниках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 241; 2) Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования. С. 144–152.

²⁴ В литературе в связи с М. Соковиковым называются заимки Черноусово и Керетово.

9	Скимен-зверь		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 10
10	Скимен-зверь		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 15
11	Алеша Попович и Тугарин Змеевич	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 4; РЭПС, № 25 Первые публ.: Миллер 1896, с. 90–94; Богораз, № 3
12	Илья Муромец и Идолище	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 3; РЭПС, № 29 Первые публ.: Миллер 1900, с. 45–46; Богораз, № 1
13	Илья Муромец на Соколе-корабле	М. Кривогорницын, д. Походск	В. Г. Богораз, 1896	Скрыбыкина, № 19; РЭПС, № 45 Первые публ.: Миллер 1900, с. 75–76; Богораз, № 8
14	Илья Муромец на Соколе-корабле		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 16
15	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь		С. Г. Власов / Д. И. Меликов	Чарина 2011, с. 39–42; Чарина 2013, № 8, с. 427– 431
16	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 6; РЭПС, № 56 Первые публ.: Миллер 1896, с. 75–80; Богораз, № 5
17	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь	Дауров Федор, г. Среднеколымск	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 13; РЭПС, № 65 Первые публ.: Богораз, вариант к № 5
18	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 26
19	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь (отр.)		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 2
20	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь	Решетников Михаил Гаврилович, г. Ниж- неколымск	С. А. Федосеева, 1959	РЭПС, № 57
21	Михаил Данило- вич — малолетний богатырь	Решетников Михаил Гаврилович, г. Ниж- неколымск	Т. А. Селюкова, 1961	РЭПС, № 58 Первая публ.: <i>Селюкова Т. А.</i> Новые за- писи произведений устно- го народного творчества русского нижнеколымско- го населения (по следам В. Г. Богораза) // Записки Чукотского краеведческо- го музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 60–61.

22	Михаил Данилович — малолетний богатырь	Гуляев Иннокентий Гаврилович, пос. Походск	Т. А. Селюкова, 1961	РЭПС, № 59 Первая публ.: Селюкова Т. А. Новые записи произведений... С. 61.
23	Туры	Егорова Мария, урочище Стадухино	В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 17; РЭПС, № 66 Первые публ.: Миллер 1900, с. 69–70; Богораз, № 6
24	Туры (фрагмент)		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 14
25	Туры		В. Г. Богораз, 1895–1896	Скрыбыкина, № 18
26	Иван Гостиный сын (Иван Кулаков)	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895, весна	Скрыбыкина, № 20; РЭПС, № 92 Первая публ.: Миллер 1900, с. 56–58
27	Дюк Степанович	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895, весна	Скрыбыкина, № 7; РЭПС, № 32 Первая публ.: Миллер 1900, с. 37–41
28	Иван Годинович (Потоп Михайлович)	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895, весна	Скрыбыкина, № 21; РЭПС, № 49 Первая публ.: Миллер 1900, с. 50–54
29	Садко и Морской царь	Сокоиков Михаил, заимка Черноусово (Керетово?)	В. Г. Богораз, 1895	Скрыбыкина, № 12; РЭПС, № 85 Первая публ.: Миллер 1900, с. 62–64

По материалам представленной таблицы можно сделать несколько предварительных выводов. Из этнографической литературы известно, что коренными нижнеколымскими фамилиями были Котельниковы, Шкулевы, Кондаковы, Дауровы (казацкие фамилии), Сокоиковы, Третьяковы, Налетовы (мещане), а также Кузаковы, Четвериковы, Гундины, Борисовы, Старцевы, Поповы, Протопоповы, Гуляевы, Мироновы. Индигирское происхождение имеют фамилии Суздаловы, Агафонниковы, Чикачевы, Новгородовы.²⁵ Следует сказать, что многие колымчане, записанные в XIX веке как мещане, происходят от бывших казаков. Таков и главный сказитель Михаил Сокоиков.²⁶ Заметим также, что, по сведениям А. Г. Чикачева, Сокоиковы некогда переселились на Колыму из упраздненного Анадырского острога.²⁷

Записи песенно-эпических произведений, как следует из таблицы, делались от представителей коренных фамилий — от М. Сокоикова, А. Четвериковой (его дочери), Ф. Даурова, И. Г. Гуляева, от П. Н. Новгородова, чей род

²⁵ Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири. С. 49.

²⁶ Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. С. 169.

²⁷ Чикачев А. Г. Походск: Старинное русское село на Колыме. С. 7.

связан с Русским Устьем, а также от М. Егоровой (указано, что она вдова казака). Называются еще М. Г. Решетников и М. Кривогорницын, фамилии которых не включены в список коренных семей Колымы. Очевидно, что былинным знанием в XIX–XX веках обладали прежде всего потомки первых поселенцев. Впрочем, скорее всего, на протяжении XVII–XIX веков былинный репертуар этой отдаленной точки России мог подпитываться новыми вливаниями, связанными со служивыми казаками, направляемыми в Нижнеколымск, Среднеколымск и Верхнеколымск.

Былинные записи в конце XIX — XX веке сделаны в основном от сказителей-мужчин: в нашей таблице всего два женских имени (А. Четверикова и М. Егорова). Переход песенно-эпических произведений в женский репертуар, хорошо известный по многим регионам Русского Севера, на Колыме, кажется, не состоялся.

В здешнем крае когда-то, по-видимому, жили сказители с большим былинным репертуаром. От М. Соковикова из заимки Черноусово В. Г. Богораз записал 8 текстов. Надо полагать, что для региона была характерна передача былинного знания в семье (Четверикова — дочь Соковикова).

Историю собирания былин на Колыме вряд ли можно назвать удовлетворительной. Тем не менее здесь было записано 29 текстов разной сохранности. Фольклористы располагают 14 сюжетами, зарегистрированными в данном регионе.

Рассмотрим колымский репертуар.

Представленная таблица наглядно демонстрирует, что самый обширный цикл русского эпоса — об Илье Муромце — представлен на Колыме очень скромно. Главному богатырю в этом регионе посвящено всего два сюжета: «Илья Муромец и Идолище» и «Илья Муромец на Соколе-корабле». Былина «Илья Муромец и Идолище» (Скрыбыкина, № 3 = РЭПС, № 29) записана от лучшего местного сказителя М. Соковикова. Его вариант довольно полон, но имеет ряд деталей, выбивающихся из классических версий сюжета. Как известно, принято в зависимости от того, где происходит столкновение русского богатыря с Идолищем, выделять киевскую и царьградскую версии. В колымской былине действие происходит в Нове-городе. Ю. И. Смирнов в комментариях к РЭПС, № 29 указывает на два севернорусских текста, где имеется новгородский след. Фольклорист предполагает существование устойчивой новгородской версии, занесенной на Колыму и сохраненной там. На наш взгляд, эта точка зрения вряд ли оправдана. Наличие Новгорода в местной региональной традиции, скорее всего, — свидетельство того, что на Колыму некогда были привнесены не только былины киевского цикла, но и новгородского, т. е. имя Новгорода, не зафиксированное более ни в одном колымском тексте, в здешнем крае некогда было известно.

Помимо Новгорода в былине Соковикова называется еще и Чернигов. Калика переходящая, с которым встретился Илья Муромец, сообщает ему: «Я иду из Нова-города, / Ну, пошел я, калига, ко Чернигову» (Скрыбыкина, № 3, ст. 10–11). Примечательно, что слово «калика» на протяжении всего текста звучит как «калига», что находит место и в других местных текстах. Былина, по-видимому, сохраняет память о наименовании паломнической обуви, ставшей известной на Руси с принятием христианства.²⁸

После расспросов у неузнанного Ильи Муромца о том, каков с виду главный русский богатырь, Идолище хвастливо заявляет:

Ху-ху-ху, братцы, хо-хо, расхохонюшки,
Где сказали про Илюшу, будто он большой?

²⁸ Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М.: СПб., 2023. С. 63–70.

Где сказали про Ивановича, будто он страшной?
 На ладонь бы посадил, да другой бы придавил!
 (Скрыбыкина, № 3, ст. 33–36)

Междометный стих «Ху-ху-ху, братцы, хо-хо, расхохонюшки», как будет видно из приведенных ниже цитат, характерен и для других противников русских богатырей в былинах Соковикова. Убивает герой своего противника не кинжалом, а «шляпой черномуровкой» (явный отголосок шапки земли Греческой, называемой в классических вариантах «Добрыни и Змея»).

Вторая былина из цикла об Илье Муромце — «Илья Муромец на Соколе-корабле» — относится к поздним произведениям русского эпоса. Считается, что сюжет сложился во второй половине XVI века или на юге России, или в Великом Устюге.²⁹ Полный вариант быliny был записан В. Г. Богоразом в 1896 году в Походске от сказителя М. Кривогорницына. В этом тексте мы находим отдельные схождения с былиной «Илья Муромец и Идолище» М. Соковикова. Здесь, как и у Соковикова, упоминается Чернигов. После того, как все противники Сокола-корабля, испугавшись воя лютых зверей в пуговках Ильи Муромца, побросались в море, русские богатыри поплыли дальше: «От Киева до Чернигова добиралися» (Скрыбыкина, № 19, ст. 36). Называется в былине и «шляпа черномуровка», которую носит Полкан-богатырь (ст. 16).

Колымский текст, как справедливо указывает Ю. И. Смирнов, относится к той же редакции, что и былина, записанная на Алтае в Локтевском заводе С. И. Гуляевым (или его окружением) (РЭПС, № 43). По «морю синему Хвалынскому» плывет Сокол-корабль в обеих былинах. Три добрых молодца на корабле называются и в алтайской былине (Алеша Попович млад, Многолед-богатырь, Илья Муромец), и в тексте с Колымы (млад Полкан-богатырь, млад Алеша Попов и Илья Муромец). Колымский Полкан-богатырь, без сомнения, является отголоском рукописной (лубочной) «Сказки о Бове-королевиче». Как и в алтайском тексте, в колымском варианте противниками Сокола-корабля являются крымские татары и калмыки: «Ну, нападали на Соколх-корабх черны вороны, / Ну, крымские татары с калмычами» (Скрыбыкина, № 19, ст. 25–26).

Образ крымских татар (и калмыков) в былинах стал актуальным с XVI века. В позднее Средневековье одна из задач, которая стояла перед Московским государством, была защита русских городов от набегов крымчан. В 1560–1590-е годы походы крымских царевичей и военачальников на Московское царство совершались практически ежегодно. Разорив определенные территории и захватив пленных, татары увозили награбленное и уводили полон в рабство. Крымскую тему отражает историческая песня «Набег Крымского хана», известная в единственном варианте, — запись Ричарда Джемса в 1619–1620 годах.³⁰ Исследователи считают, что песня отразила события 1571–1572 годов, когда Крымский хан Девлет-Гирей (1512–1577) пошел на Русь, переправился через Оку, устремился к Москве и сжег московские посады. Кремль и Китай-город, окруженные каменными стенами, Девлет-Гирей взять не смог. Хан ушел в Крым, разорив 36 русских городов и уведя в полон несколько десятков тысяч человек. В 1572 году Девлет-Гирей вместе с ногайцами опять вторгся в пределы Московской Руси. Решающая битва состоялась

²⁹ Путилов В. Н. К вопросу о составе разинского цикла (Былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 305–328; Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 28–30.

³⁰ Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 272.

в начале августа у деревни Молоди (между Подольском и Серпуховым, в 45 верстах от Москвы) и закончилась русской победой.

Крымские татары, найдя место в исторических песнях, по-видимому, очень рано были включены и в былины.

Калмыки, названные в былине, появились в эпосе не ранее XVII века. Это монгольский народ ойратской группы, предки которого мигрировали в конце XVI — начале XVII века из Центральной Азии (Джунгария) на территорию современного Казахстана и отчасти Восточной Сибири, а затем на нижнюю Волгу и северное Прикаспье. Таким образом, соприкосновение русских с калмыками происходило одновременно с покорением Сибири. Вероятно, проникновение части калмыков в Восточную Сибирь и дало основание для закрепления их образа в алтайской и колымской былинах.

Второй текст «Ильи Муромца на Соколе-корабле» (Скрыбыкина, № 16) — испорченный вариант, в котором начало является припоминанием сюжета о Садко, чей корабль стал на море, а остальная часть — былиной о Соколе-корабле. При всей путанице имен («Уж ношом-то владеет млад Илюшенька попов, / А кормой-то владеет млад Полкан-богатырь» — Скрыбыкина, № 16, ст. 11–12) этот вариант подтверждает устойчивость имени сказочного Полкана в традиции Колымы. В тексте зафиксирован припев «Сдудина ты сдудина! Сдудина ты сдудина» — явное отражение припева о Дунае («Дунидай мой, дунидай мой, дунидаюшка», «Раздунай, Дунай, Дунай, Дунай», «Да Дунай, Дунай, боле вперед не знай» и пр.), широко распространенного на Русском Севере.³¹ Противниками же Сокола-корабля в данном варианте оказываются не крымские татары с калмыками, а просто «злые татары», т. е. используется традиционный былинный образ.

Скромное количество сюжетов (и текстов) былин о главном богатыре русского эпоса на Колыме является своего рода загадкой. Впрочем, в соседнем Русском Устье Илья Муромец также не является популярным героем. На Индигирке зарегистрирован единственный вариант «Ильи Муромца и Идолища» (со следами «Ильи Муромца на Соколе-корабле») (РЭПС, № 44).

Цикл былин о Добрыне Никитиче на Колыме, напротив, весьма выразителен.

Былина на сюжет «Добрыня и Змей» (три опубликованных автономных текста, один из которых не закончен, один отрывок и одна контаминированная прозаическая былина) сохраняет ключевые моменты коллизии (по публикации Скрыбыкина, № 5): Добрынюшка Никитьевич просит у матери благословения поехать пострелять гусей-лебедей; мать предупреждает его о трех стручках в реке; третья струя уносит его к Змеищу Горынищу; далее следует бой со Змеем — «Распорол ему груди белые, / Отмахнул ему буйну голову» (Скрыбыкина, № 5, ст. 71–72). В самом конце былины богатырь, победивший Змея, просит плывущих мимо корабельщиков: «Увезите меня в стольный Киев-град» (ст. 76).

Обратим внимание, что в колымском тексте (Скрыбыкина, № 5) отсутствует вторая половина былины классической севернорусской версии, согласно которой после договора со Змеем не летать тому на Русь и не полонить русских людей, Змей нарушает договоренность, летит в Киев, похищает племянника князя Владимира; богатырь второй раз едет к Змею, убивает его и освобождает русский полон. В другом тексте (Скрыбыкина, № 22), записанном в 1940 году, былинная коллизия также ограничивается единственным боем героя со Змеем. В соседнем регионе Русского Устья тоже описывается один бой героя со Змеем, но здесь Добрыня в соответствии с севернорусской традицией

³¹ См. подробнее: *Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах*. СПб., 2023. С. 189.

освобождает женщину, которая может или называть его своим суженым (РЭПС, № 13, 15, 18), или оказаться его тетушкой (РЭПС, № 14). Скорее всего, женский персонаж некогда наличествовал и в колымской традиции. Однако заметим, что отсутствие темы освобождения русского полона и в Русском Устье, и на Колыме понижает статус подвига Добрыни: убийство Змея не оказывается деянием государственного масштаба. Тема русского полона, без сомнения, в змееборческом сюжете возникла поздно. Не исключено, что в начале XVII века в Сибирь была занесена ранняя версия без этой идеологически очень важной детали.

Колымская былина потеряла многие топонимы и антропонимы, характерные для этого сюжета. Так, в тексте Скрыбыкина, № 5 топоним Киев появляется только в самом конце в словах героя, обращенных к корабельщикам; в былинах Чарина, 2013, с. 435–436 и Скрыбыкина, № 22 это важнейшее для русской традиции географическое имя и вовсе отсутствует. Равным образом в былинах не называются имена ни князя Владимира, ни матери героя, ни реки Почай. Однако в сибирской былине наличествует Алатырь камень, представляющий границы между нашим миром и миром Змея. Мать предупреждает Добрыню: «Понесет тебя ко камешку Алатыру, / Ко тому ли ко Змеинищу Горынищу» (Скрыбыкина, № 5, ст. 24–25). См. в других текстах: «Унесет тебя по камеску коятыр» (Скрыбыкина, № 22, ст. 12) — т. е. «камеску ко Ятыр» (от Алатырь, Латырь); «Понесет тебя по камушка Ятырю» (Чарина 2013, с. 435). Алатырь в данных текстах явно наполнен исключительно языческой семантикой, христианской составляющей в этом образе нет.³² Воплощением христианского начала в колымском тексте, как и в общерусской традиции, является «шляпа белоеловка», наполненная *землей греческой*, с помощью которой богатырь одолевает Змея.

В колымской былине «Добрыня и Маринка», как и в «Добрыне и Змее», отсутствуют приметы стольного Киева: герой идет по неназванному городу, видит в тереме Маринки обнимающихся крылышками голубей, стреляет в них и разбивает косящето окошечко. Редкой деталью текста является тема сватовства, лишь латентно наличествующая в большинстве севернорусских записей. Маринка кричит богатырю из окошка: «Ты почто, Добрыня, сам на сам не сватаешься, / Посылаешь ко мне свата калену стрелу?» (Скрыбыкина, № 9, ст. 19–20). Маринка превращает героя в «сира тура волка» (явно испорченная формула), после чего «красна сестра» Добрыни (по публикации Скрыбыкиной) или «крестова сестра» (по публикации Ю. И. Смирнова) угрожает Маринке превратить ее в кобылу, суку, синичку и оборачивает сорокой, отправляя в чисто поле. На этом колымская запись прерывается. Примечательно, что в былине разрабатывается образ синевы: одна из угроз сестры героя — превратить Маринку в синичку; испуг Маринки и ее слова, что по белому лицу «синевыцы подошли»; отправка Маринки за «сине море».

Имя «красной (крестовой) сестры» (Марфа Сеславьевна) позволяет осторожно предположить, что на Колыме некогда бытовал сюжет «Волх Всеславьевич» (матерью богатыря в этой севернорусской былине, напомним, была Марфа Всеславьевна).

Начальный фрагмент в 13 стихов (Скрыбыкина, № 1) из быliny «Добрыня и Змей» в статье В. Ф. Миллера присоединен к тексту Скрыбыкина, № 9 (= РЭПС, № 149). По всей видимости, передавая Миллеру свои колымские материалы, В. Г. Богораз существенно их редактировал, соединяя тексты разных записей. Ю. И. Смирнов к архивным оригиналам в случае с данным тек-

³² О переплетении языческого и христианского начал в былинном Алатыре камне см. в нашей монографии: Там же. С. 200–207.

стом не обращался и напечатал былину РЭПС, № 149 по публикации Миллера. Фрагмент Скрыбыкина, № 1, малозначимый сам по себе, свидетельствует о том, что сюжет «Добрыня и Маринка» на Колыме некогда имел хождение у разных сказителей.

Колымский текст Скрыбыкина, № 24 (= РЭПС, № 128) является прозаическим пересказом с контаминацией трех сюжетов о Добрыне: «Добрыня и Настасья» (герой в чистом поле встречает богатыршу Настасью Микуличну, которая сначала сажает его к себе в карман, а потом выходит за него замуж и теряет свои богатырские способности); «Добрыня и Змей» (очень краткое изложение коллизии); «Добрыня и Алеша» (наказ Добрыни жене не выходить замуж за Алешу Поповича, появление его на свадебном пиру с гусями). Запись очень схематична, что, скорее всего, объясняется и отсутствием таланта рассказчика у сказителя, и неопытностью собирателя. Тем не менее эта былина добавляет к колымскому репертуару былин о Добрыне два важных сюжета — «Добрыня и Настасья» и «Добрыня и Алеша».

Обратим внимание на то, что в данной былине, как и в предыдущих текстах, не называется Киев. Отсутствие этого важнейшего для былинного мира топонима, по-видимому, надо рассматривать как проявление начала потери местной традицией функции исторической памяти.

Л. Н. Скрыбыкина отрывок в 4 стиха (Скрыбыкина, № 11) о том, как не названному по имени персонажу предлагается выбрать место в переднем углу или где сам пожелает, атрибутирует как фрагмент быliny «Добрыня и Алеша». Не присоединяясь полностью к этой точке зрения, заметим, что если это так, то данный текст следует рассматривать как аргумент в пользу бытования на Колыме одного из самых распространенных на Русском Севере сюжетов.

На Колыме В. Г. Богоразом зафиксированы два разрушенных варианта сюжета о Скимене-звере, — персонаже, в классических вариантах Русского Севера реагирующем на рождение Добрыни Никитича («Закричал он, ворсобака, по звериному» — Скрыбыкина, № 10, ст. 2). Колымская традиция потеряла имя Скимена-зверя, а богатырем в местном варианте называется не Добрыня, а Данила Игнатьевич — герой самой популярной колымской эпической песни «Михаил Данилович — малолетний богатырь». Впрочем, вряд ли стоит сомневаться, что исконно на северо-востоке Сибири в этом достаточно редком сюжете был не Данила Игнатьевич, а Добрыня.

Таким образом, подчеркнем еще раз: цикл былин о Добрыне Никитиче (в отличие от круга былин о Илье Муромце) на Колыме представлен полно: «Скимен-зверь», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Настасья».

Алеша Попович в колымской традиции, помимо прозаического текста о Добрыне Никитиче (Скрыбыкина, № 24), представлен в былине «Алеша и Тугарин Змеевич». Этот текст в наиболее полном виде сохранил все киевские топографические приметы былинного мира: Алеша из Чернигова приезжает в «стойной Киев-град» (в классических вариантах — из Ростова); его встреча с противником происходит в тереме у «солнушка Владимира-князя»; герой наблюдает, сколько за один присест съедает Тугарин, и вспоминает «собаку обжорчивую» и «корову обжорчивую» своего батюшки Семена свет Ростовского, после чего происходит бой с чудовищем в чистом поле. Обращает на себя внимание смещение имени чудовища (Идолище поганое и Тугарин Змеевич млад) и его описание, в котором подчеркиваются иномирные черты: «Принесли-то Идолища двенадцать человек, / У него рук-то нет, да и ног-то нет» (Скрыбыкина, № 4, ст. 30–31). В предельно негативном виде рисуется княгиня Евпраксия: Тугарин на бой с богатырем вылетает «из новой ли спаленки» княгини (ст. 62); княгиня после боя уверена, что Тугарин Змеевич везет на

копье голову Алеши Поповича, а узнав об истинном завершении столкновения противников, заявляет: «быват, и свинья гуся съедат»; в конце былины звучат осуждающие Евпраксию слова героя:

Ах, кабы ты не княгиня была Евпраксия,
Я бы назвал тебя сукой, б..... волочажною,
Волочилась ты под Тугарином Змеевичем
(Скрыбыкина, № 4, ст. 127–129)

Материал «Алеши Поповича и Тугарина Змеевича» и «Добрыни и Змея» (оба текста записаны от М. Соковикова) демонстрирует устойчивость формул у этого сказителя. В «Алеше и Тугарине» противник богатыря встречает героя в чистом поле словами:

А хи-хи, братцы, хо-хо, брат, расхохонюшки,
Святы отцы писали — прописалися,
И волшебницы большие (волошили? — Т. И.) — проволошилися,
Будто мне от Алеших смерть принять.
А теперь ты, Алеша, во моих руках
(Скрыбыкина, № 4, ст. 86–90)

Ср. в «Добрыне и Змее» соответствующее заявление Змея:

Святы отцы писали — прописалися,
Волшебники волошили — проволошилися,
Будто мне от Добрыне-то и смерть принять,
А теперь ты, Добрыня, во моих руках
(Скрыбыкина, № 5, ст. 48–51)

Туча грозная, посланная Богородицей по молитве Алеши Поповича, подмочила «крылья бумажные» Идолища (Тугарина) (Скрыбыкина, № 4, ст. 100); «крылья гумажные» были и у Змея, с которым бился Добрыня (Скрыбыкина, № 5, ст. 65).

Любопытно, что на Колыме зафиксирована баллада «Софья Волховна» (РЭПС, № 111), записанная в 1940 году в Походске. Это произведение (с названием «Федор Колыщатой и Софья-волшебница») записано и в Русском Устье (РЭПС, № 108–110а). Сюжет развивается точно так же, как и в не известной ни Колыме, ни Русскому Устью былине «Алеша Попович и сестра братьев Бродовичей»: братья хвастают непорочным поведением своей сестры; герой опровергает их слова. В отличие от былины конфликт в «Софье Волховне» разрешается по-балладному трагически: братья убивают героя, Софья Волховна погибает, кинувшись о калинов мост, а сами братья бросаются на острые копыя. При всем совпадении коллизий генетические связи баллады и былины «Алеша Попович и сестра братьев Бродовичей» не прочитываются. Таким образом, на Колыме Алеша Попович является главным героем в единственной былине о Тугарине.

Мы уже выдвинули тезис о прочных связях былинной традиции Колымы с ее западным региональным соседом Индигиркой (Русское Устье). Наиболее ярко эта связь сказывается на сюжете «Михаил Данилович — малолетний богатырь». Данный сюжет на Колыме является самым популярным (8 вариантов), причем сюжетом-долгожителем (записи 1893, 1895, 1959 и 1961 годов).

Былина о Михаиле Даниловиче была предметом специального изучения в работах М. Г. Халанского (попытка найти основы сюжета в исторических событиях 1136 года — битве при реке Супое между войсками киевского князя

Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха) и Всеволода Ольговича, князя Черниговского, вступившего в союз с половцами),³³ А. Н. Веселовского (поиски схождения севернорусской былины и южнорусской (украинской) легенды о киевском богатыре Михайлике).³⁴ В XX веке к гипотезе об историческом зерне былины (битва при Супое) присоединился В. И. Чичеров, сопоставивший к тому же рассматриваемый сюжет с былинной «Илья Муромец и Калин-царь» и пришедший к выводу, что первичной была былина о Михайле Даниловиче, а вторичной старина о Калине-царе.³⁵

Сибирская северо-восточная региональная традиция, т. е. традиция Русского Устья и Колымы, предлагает очень устойчивую версию (в двух редакциях) сюжета «Михаил Данилович — малолетний богатырь», версию, подчеркнем, не зафиксированную в Европейской России. Здесь наличествует именно ряд, неизвестный старинам Русского Севера. Тит (Чит) угрожает Киеву или Иерусалимскому царству; на пиру у князя Владимира (или царя Тимофея) все гости хоронятся друг за друга, только Данила Игнатьевич, заявив о своей старости, говорит, что если бы его сын Михайлушко был не двенадцати лет, а старше, он бы выступил против Тита и постоял бы за веру христианскую; тем не менее князь Владимир посылает за Михайлушкой; явившись к царю, Михайлушко выпивает чару полтора ведра (проявление богатырства); Данила Игнатьевич, давая сыну коня и острую саблю, наставляет его рубиться три (четыре, шесть) суток, а затем поворачивать назад; герой сражается более названного срока, оказывается раненым, приезжает к отцу (в классической версии Данила Игнатьевич едет в чисто поле на место сражения и там находит своего сына); Данила Игнатьевич отправляется в чисто поле, пленяет самого Тита, привозит его к князю Владимиру (Тимофею); затем он приезжает домой и находит Михаила Даниловича умершим; Данила кидается на кирпичный мост (пол) и убивается до смерти (в Русском Устье; в классической версии этот мотив отсутствует). Таким образом, героями в этой версии являются и Михаил Данилович, и Данила Игнатьевич. Эта былина, укажем, оказалась среди былин-долгожителей не только Колымы, но и Индигирки: последние разрушенные записи сделаны Ю. И. Смирновым в Русском Устье в 1982 году.

В. Ф. Миллеру данная версия была известна по варианту, записанному В. Г. Богоразом на Нижней Колыме от сказителя М. Соковикова.³⁶ Фольклорист, по-видимому, справедливо полагал, что она древнее той версии, которая бытовала на европейском Русском Севере: «...колымский вариант сохранил в наибольшей чистоте черты первоначальной редакции, в которой уходящий в монастырь отец объявлял своим заместителем сына *только по достижении им известного возраста*» (Миллер 1896, с. 83).³⁷ К этой же точке зрения присоединяется и С. Н. Азбелев.³⁸

³³ Халанский М. Г. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. С. 43 и след.

³⁴ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. I–III. СПб., 1881. С. 3–60 (Сборник ОРЯС; т. 22, № 2).

³⁵ Чичеров В. И. Об этапах развития русского исторического эпоса // Историко-литературный сборник. М., 1947. С. 33–35.

³⁶ Правда, укажем, что текст, опубликованный В. Ф. Миллером, в отдельных деталях существенно отличается от текста белой рукописи В. Г. Богораз из Архива Академии наук, по которой публикуется былина в РЭПС, № 56 (= Скрыбыкина, № 6). Скорее всего, Богораз неоднократно слышал былинку Соковикова и позволял себе редактировать первоначально записанный текст, возможно вставляя в него фрагменты и из других записей. Мы будем считать основным вариантом запись из Архива Академии наук, опубликованную Л. Н. Скрыбыкиной.

³⁷ Курсив мой. — Т. И.

³⁸ Азбелев С. Н. Фольклор Русского Устья // Фольклор Русского Устья / Изд. подг. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. С. 29.

Варианты Колымы и Русского Устья, как мы уже заявили, представляют одну версию сюжета «Михаил Данилович — малолетний богатырь», но делящуюся на две редакции. Можно отметить выразительные отличия в региональных традициях Колымы и Русского Устья. На Колыме Тит Фарафонтьевич (Хорохонтъевич) угрожает Киеву (традиционный для былин локус) и князю Владимиру:

Стольной Киев я град без щита возьму,
Как девиц и вдовиц всех на блуд спущу,
Еще мелкую сошку всю повырублю,
Царя Тимофея во полон возьму,
Молоду его княгиню за себя возьму...
(Скрыбыкина, № 6, ст. 12–16)

Солнышка Владимира город головней покачу,
Церкви я на огонь пущу,
Стариков и старушек на штыки возьму,
А Дусечку Апраксевну за себя возьму!
(РЭПС, № 59, ст. 7–10)

В других колымских текстах называется Русь Святая. Князь Владимир обращается к престарелому богатырю Даниле Игнатьевичу: «Помогите нам, Данила Игнатьевич, за Русь Святую, / За Мать Пресвятую Богородицу!» (РЭПС, № 57, ст. 4–5; № 58, ст. 7–8).

В былинах Русского Устья враг угрожает не Киеву (Святой Руси), а Иерусалимскому царству:

Иерусалимского я царства выжгу, выпьяню,
Царя Тимофея в полон полоню,
Его Божьи церкви на дым пущу,
Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу-княгиню за себя возьму!
(РЭПС, № 50, ст. 5–9; № 52, ст. 10–12; № 54, ст. 5–8)

Святая Русь и Киев в русскоустыинских былинах на сюжет «Михаил Данилович — малолетний богатырь» ни разу не встретились.

В колымской региональной традиции вместо князя Владимира единожды зарегистрирован царь Тимофей (см. выше цитату из текста Скрыбыкина, № 6, ст. 15). Царь Тимофей — очевидное искажение былинного антропонимического ряда, однако определенным образом Тимофей соотносится с песенно-эпической традицией. Напомним, что в былинах Русского Севера популярно отчество Тимофеевич / Тимофеевна: отец Ильи Муромца — Иван Тимофеевич; мать Добрыни Никитича или Дюка Степановича — Омельфа Тимофеевна и т. д. Впрочем, укажем, что в следующих строках сказитель М. Соковиков исправно называет уже не царя Тимофея, а солнушко Владимира-князя (Скрыбыкина, № 6, ст. 47, 59, 66, 114, 117). В остальных колымских былинах твердо фиксируется князь Владимир / Владимир Красно Солнышко (РЭПС, № 57, ст. 31, 54; № 58, в прозаическом начале старины и других прозаических фрагментах, а также ст. 64; № 59, ст. 7 и в прозаических фрагментах).

В Русском Устье в отличие от Колымы антропоним царь Тимофей оказывается весьма устойчивым (РЭПС, № 50, см. выше цитату; № 52, ст. 1, 11, 97; № 54, ст. 7). Князь Владимир, напротив, в этом регионе в нашем сюжете ни разу не встретился.

Определенные метаморфозы на северо-востоке Сибири происходят с образом Апраксевны (Апраксевны), жены князя Владимира (царя Тимофея). Апраксевна — предмет вожделения Тита, врага Киева (Иерусалимского цар-

ства) (см. колымские тексты: Чарина 2011, с. 39; Скрыбыкина, № 6, ст. 16). Однако на Колыме Апраксевна неожиданно может оказаться и союзницей (женой) Тита. На царство князя Владимира подымается

Сила страшная, татарская
И прокляцка, басурманская,
Тит Хорохонтьевич со своей свитою
И со своей Дусечкой Апраксевной...
(РЭПС, № 58, ст. 2–5, 17–18, 53–54)

Согласно варианту РЭПС, № 58, Данила Игнатьевич Тита Хорохонтьевича «живьем поймал», «а его Дусечку Апраксевну / коню за хвост привязал» (ст. 62–63). Антропонимическая форма Дусечка Апраксеевна, как отмечает Ю. И. Смирнов в комментариях сборника «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», по-видимому, сложилась на основе лексемы «душечка». В варианте РЭПС, № 57, записанном, как и текст РЭПС, № 58, от М. Г. Решетникова, Данила Игнатьевич точно так же поступает с Апраксеевной.

В тексте РЭПС, № 59 (пос. Походск, сказитель И. Г. Гуляев), с одной стороны, Дусечка Апраксевна является вроде бы одной из целей в угрозах Тита (ст. 10), но с другой, жена князя Владимира сама симпатизирует Титу. После победы Данилы Игнатьевича над Титом князь и княгиня с башни всматриваются в едущего богатыря: «Тозно на башне стоят смотрят, а Дусечка Апраксевна сказала: „Узнавай молодца по походчке, а сокола по полеточке. Это Тит Хорохонтьевич Данилы Игнатьевича голову везет“. Олеша Попович сказал: „Не Данилы Игнатьевича голову везут, а Тита Хорохонтьевича голову везут. Не была бы ты князина великая и нашего великого князя солнышка Владимира [женой], назвал бы тебя сучкой гончатой!“»

В былинах Русского Устья (РЭПС, № 50, 54) княгиня остается только предметом угроз Тита.

На Колыме, в отличие от Русского Устья, появляется еще один мотив: после того как Данила Игнатьевич упрекает князя Владимира, направившего его сына-малолетка на битву с врагом, в гибели Михаила Даниловича, солнышко Владимир обещает устроить тому похороны (поминки) княжеские (царские, королевские) (Чарина 2011, с. 42; Скрыбыкина, № 6, ст. 119; РЭПС, № 57, ст. 52).

Весьма любопытным является закрепление в былинной традиции Русского Устья и Колымы имени Тит. Можно с уверенностью утверждать, что это имя попало в былины из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — памятника античной литературы (75–79 годы н. э.), популярного на Руси в переводе XI — начала XII века.³⁹ Тит, напомним, — сын римского императора Веспасиана; в 70 году он захватил Иерусалим и разрушил там главный храм. Один из списков «Истории Иудейской войны», по-видимому, был принесен в Русское Устье и оказал воздействие на устную былинную традицию, позаимствовавшую и имя Тит, и топоним Иерусалимское царство.

Следует отметить, что былинное Иерусалимское царство воспринималось русскоустыинцами как христианское царство. Весьма примечательно, что Тит угрожает в Иерусалимском царстве в том числе и церквам и монастырям: «Его Божьи церкви на дым пущу, / Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу» (РЭПС, № 50, ст. 7–8). Без сомнения, здесь свою роль сыграло и то, что Гроб Господень находится в Иерусалиме, и то, что в 1099 году после

³⁹ Взаимодействию памятника письменности и былинной традиции северо-востока Сибири посвящена наша статья «О влиянии древнерусской книжности на былины Восточной Сибири» // Словесность и история. 2024. № 2. С. 33–47.

Первого крестового похода было образовано христианское Иерусалимское королевство (государство крестоносцев), просуществовавшее до 1291 года.

Надо полагать, что на северо-восток Сибири из европейской части России была занесена версия былины, обозначенная В. Ф. Миллером как древнейшая — с Киевом и Святой Русью и князем Владимиром. Эта версия закрепилась первоначально в Русском Устье, а затем была перенесена на Колыму. Далее в былинах в Русском Устье произошли трансформации, вызванные влиянием «Истории Иудейской войны», — появилось имя Тита как врага русского народа. Это имя закрепилось и в Русском Устье, и на Колыме. Однако воздействие «Истории Иудейской войны» в Русском Устье оказалось более глубоким, чем на Колыме. Колыма сохранила исконные топонимы Киев и Святая Русь; Русское Устье позаимствовало из книжного источника Иерусалимское царство, заменившее древнекиевскую топонимику. Все это позволяет утверждать, что рукописный список «Истории Иудейской войны» находился именно в Русском Устье (а не на Колыме).

На Колыме в сюжет «Михаил Данилович — малолетний богатырь» в одном из вариантов включается имя Сухана (Сухмана), отдельной былины о котором в здешнем крае записано не было (Скрыбыкина, № 13):⁴⁰ Сухан, выехавший после пира у князя Владимира в чисто поле, встречает войско Тита, описанное в формулах былины «Илья Муромец и Калин-царь»:

Поднимается сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Что под каждым под царем, под царевичем
Под каждым королем-королевичем
По три тьмы, по три тысячи.
Что набольший у них Тит Фарафонтьевич,
Что под самим-то под Титом счету нет.
Еще хвалится Тит, похваляется:
«Что стольный я град Киев на заре пройду,
Божьи церкви все в огне спалю,
Девий монастырь на конюшню возьму,
Солнушка Владимира во котле свару,
А душеньку Евпраксию за себя возьму»
(Скрыбыкина, № 13, ст. 9–21)

Далее разворачивается коллизия «Михаил Данилович — малолетний богатырь».

Тема вражеской угрозы Киеву звучит в былинах «Туры» (три варианта), которую сказительница Мария Егорова для своего варианта обозначила как «шальма» (псальма). «Туры», как известно, вполне вписываются в традицию духовных стихов. Тем не менее и связи «Туров» с былинами оказываются очень прочными.⁴¹ На Русском Севере, напомним, «Туры» контаминируются с сюжетом «Василий Игнатьевич и Батыга (Васька-пьяница)». Колымская версия автономна (как и в Западном Поморье). Турица златорогая, разъясняя своим детям турам их видение в киевской церкви (красна девица, вышедшая из алтаря), говорит о том, что это явилась Пресвятая Богородица, и наставляет туров заступиться (защитить) за Матерь Божию:

Она слышит над Киевом не(в)згодушку,
Ну не(в)згодушку-то она знает не маленькую...

⁴⁰ Трактовку Ю. И. Смирновым данного текста как сюжет «Сухман» мы не принимаем.

⁴¹ Петрова Л. И. «Туры» в эпической традиции Западного Поморья // Традиционная культура. 2016. № 3. С. 22–30.

Подымает Идолище четырнадцать голов,
Хочет сбить-спалить стольный Киев-град,
Пресвятую Богородицу на огонь спустить...
Ах вы дети мои, дети милые,
Заступите вы за стольной Киев-град
И за Мать Пресвятую Богородицу!..
(РЭПС, № 66, ст. 30–37; ср. Скрыбыкина, № 17)

В варианте Скрыбыкина, № 14 (фрагмент) наличествует трансформация пространства: враг угрожает не Киеву, а каменной Москве. Эта деталь свидетельствует о некоторых творческих интенциях в песенно-эпической традиции Колымы.

Новеллистические былины представлены в Колымском крае сюжетами «Иван Гостинный сын», «Дюк Степанович» и «Иван Годиневич (Потоп Михайлович)» сказителя М. Соковикова. Первая былина начинается скоморошиной об Иване Кулакове («Шаньги, пироги во полон полонил» — Скрыбыкина, № 20, ст. 4), имя которого заместило традиционное севернорусское Иван Гостинный сын. Князь Владимир предлагает биться о велик заклад (о буйной голове со стороны принявшего вызов и о любимой племяннице Марфе Сеславьевне со стороны князя) в скачке между заутреней и обеднею от Киева до Чернигова; вызывается Иван Кулаков, чей конь («Его бурочка-сивогривочка, / Трехтравочка-троелеточка» — ст. 41–42) побеждает, и герой получает княжескую племянницу. Версия с Иваном Кулаковым, с закладом о любимой племяннице князя Владимира и удачной скачкой героя и привозом им из Чернигова золотого (обручального?) кольца, зафиксирована и на Анадыре в с. Марково (РЭПС, № 93), где она, без сомнения, оказалась благодаря связям Колымы и Анадыря. В севернорусских былинах, напомним, отсутствует брачная тема. Полагаем, что Ю. И. Смирнов, выдвинувший в комментариях к колымскому тексту гипотезу об архаичности версии с брачной темой, прав в своих предположениях. В таком случае Колыма (и Анадырь) в очередной раз сохранили для нас архаичную версию сюжета.

Колымский вариант «Дюка Степановича» (Скрыбыкина, № 7) являет версию, хорошо известную на Русском Севере: описание чудесных стрел героя, перья которых получены от орла, выющего гнездо на камушке Алатыре; отъезд Дюка в стольный Киев-град; его слова о невкусных киевских калачиках и вине; упреки Чурилы и заточение Дюка в «погреб сороксаженный»; отправка на родину Дюка киевских гонцов для описания его имущества; традиционная ошибка гонцов, принимающих чулочниц, порточниц, сапожниц, перчаточниц, рубашечниц, калачниц Дюка за его матушку; наконец, предложение матери героя заложить Киев-град, чтобы купить чернила и «паргамины-бумагу» для описания богатств родины Дюка.

Колымский текст представляет стяженную версию: здесь отсутствует состязание в щегольстве и скачке через Днепр Дюка Степановича и киевского «щapa» Чурилы Пленковича. К особенностям местной региональной традиции можно отнести отсутствие на указание имени города героя. Напомним, что на Русском Севере родиной называются славный Галич, Волынь земля, Корела упрямая (проклятая), Индия богатая, причем чаще всего топонимы даны в едином «пучке».⁴² Описывать имущество Дюка в колымском тексте князь Владимир отправляет Добрынюшку Микитьевича, Алешеньку Поповича и владыку Черниговска. Последний герой на Русском Севере, как правило, появляется в сценах «заклада» — состязания в скачке или Ивана Гостиного сына, или Дюка Степановича.

⁴² См.: Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах. С. 142–150.

Сюжет о Дюке Степановиче колымская традиция передала соседнему Анадырю, где записано начало былины, аналогичное колымскому тексту (РЭПС, № 33).

Новеллистическая былина «Потоп Михайлович» сказителя М. Соковикова — это своеобразная версия «Ивана Годиновича» (Скрыбыкина, № 21): Сухан Домантьевич приезжает в стольный Киев-град, на пиру у князя Владимира говорит о красоте «душечки лебедушки Захарьевны», дочери Захара Макаревича; Потоп Михайлович, племянник князя Владимира, высказывает желание жениться на Захарьевне; отправляется на сватовство с Добрынюшкой Микитьевичем, Суханом Домантьевичем и Алешенькой Поповичем; по пути богатыри встречают калигу (калику) переходящую, предлагают ему поменяться платьем; калика отказывается, побеждает Добрыню и Сухана, но уступает Потопу Михайловичу; приехав к Захару Макаревичу и посватавшись к его дочери, Потоп Михайлович получает отказ, так как Захарьевна уже просватана за Кошеля Трепетого; богатыри силой забирают невесту и отправляются в обратный путь; Потоп Михайлович отсылает товарищей, остается в чистом поле один с Захарьевной; на сонного Потопа налетает Кошель Трепетый, с помощью «богатырицы» Захарьевны сковывает героя; стрела, которой он стреляет в Потопа, разрывает его путы, он убивает Кошеля и Захарьевну и возвращается в Киев.

В этом тексте прочитываются явные следы недавнего сочинительства, замешанного на разных сюжетах. Имя главного героя, Потопа Михайловича, очевидно перекликается с Потыком, который нередко в севернорусских былинах зовется Михайло Потыком. Былина о Потыке, как известно, как и «Иван Годинович», разрабатывает тему неверной жены (невесты). «Потык» не зафиксирован на Колыме, но использование имени Потопа Михайловича позволяет осторожно предположить, что данный сюжет мог быть некогда известен колымчанам, хотя, подчеркнем, былина не зарегистрирована ни в одном из сибирских регионов.

Сухан Домантьевич — это отражение зарегистрированного на Печоре, Мезени, Кулое, в Пудожье имени Сухман Одихмантьевич. Былина о Сухмане, как мы уже сказали, не записана на Колыме, но имя этого богатыря встречается и в местной версии «Ивана Годиновича (Потоп Михайлович)», и в одном из вариантов героической былины «Михаил Данилович — малолетний богатырь» (Скрыбыкина, № 13). В обоих текстах, подчеркнем, Сухману дается роль вестника — или о красавице-невесте («Иван Годинович»), или о нашествии врага («Михаил Данилович — малолетний богатырь»). В любом случае, на Колыме этот былинный персонаж награждается не свойственной ему функцией.

Кошель (Кошей) Трепетов в сюжете об Иване Годиновиче известен на Русском Севере, например на тех же Печоре и Мезени и на Пудогге. Имена Захара Макаревича и его дочери Захарьевны какому-либо объяснению не поддаются.

В былинах о Потопе Михайловиче мы видим элементы по крайней мере трех сюжетов: «Сухман»; «Илья Муромец и Идолище» (своеобразно разработанный эпизод обмена каличьим и богатырским платьями) и «Добрыня и Алеша» (Алеша Попович встречает героя в Киеве словами, которые в сюжете о его собственной неудавшейся женитьбе обращены к нему самому: «Здорово ли вам жениться, только не с кем спать!» — Скрыбыкина, № 24, ст. 130). Основой же данного колымского произведения является сюжет «Иван Годинович».

Версия «Ивана Годиновича» с Потопом Михайловичем, без сомнения, должна рассматриваться как поздняя трансформация сюжета. Появление ее на Колыме свидетельствует об активности песенно-эпической мысли в здешнем крае.

Новгородский цикл былин на Колыме представлен единственной записью былины «Садко и Морской царь» (сказитель М. Сокоиков). Былина потеряла все новгородские приметы: нет имен ни города, ни Волхова, ни Ильменя. Содержание сосредоточено на кораблях, плывущих по синему морю, остановке кораблей, кидании жеребья из бела серебра и чиста золота Садко богатым купцом и его товарищами; далее герой отписывает свои пожитки отцу-матери, молодой жене, малым детушкам и Божьей церкви и, взяв гусли, на «плахе белодубовой» опускается в сине море; в сновидении Садко получает от неизвестного персонажа (обычно это Микола-угодник) наказ выбрать не девицу-беляницу, а девицу-чернавицу. Очевидно, что текст Сокоикова в значительной степени оказывается уже разрушенным.

В первой публикации В. Ф. Миллера и в републикации Ю. И. Смирнова (РЭПС, № 85) опущены последние четыре стиха рукописи, напечатанные Л. Н. Скрыбкиной:

Весна говорит ему: «Вьявь, человек,
Ляжете спать с молодой женой,
Не касайся рукой, ни ногой».
Вот он стал-от гусельцы поигрывать
(Скрыбкина, № 12, ст. 62–65)

Деформация былинной традиции в этих стихах налицо. Весна как персонаж, замещающий Миколу-угодника, песенно-эпической традиции не известен. Тем не менее само припоминание брачных отношений в ином мире (Морском царстве) добавляет определенные штрихи к предполагаемому полноценному инварианту былины о Садко в колымской традиции.⁴³

В разрушенном тексте Скрыбкина, № 16 (основное содержание отражает сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле»), как мы уже указали, находит место начальная ситуация остановки корабля и предложения метать жеребий, кому идти в море. Имя Садко здесь отсутствует, но текст является подтверждением бытования данного сюжета на Колыме.

На Индигирке в Русском Устье были записаны два варианта сюжета о Садко в той же версии, что и на Колыме (РЭПС, № 86, 87). Надо полагать, что на Колыму сюжет пришел из Русского Устья. Известно, что на Индигирке былина о Садко исполнялась как заговор во время непогоды. Вероятно, на Колыме также была известна эта ее функция.

В Колымском крае, повторим еще раз, зафиксированы 14 былинных сюжетов. Учитывая неудовлетворительную историю собирания эпоса в данном регионе, это весьма неплохое число. К тому же в местных былинах встречаются имена Марфы Сеславьевны (Марфищи), выступающей в роли сестры Добрыни (Скрыбкина, № 9) или племянницы князя Владимира (Скрыбкина, № 20), и Сухмана (Сухана) (Скрыбкина, № 13 и 21). Имя Потопа Михайловича (Скрыбкина, № 21), как и Л. Н. Скрыбкина, мы рискнули трактовать как производное от Потыка. Присутствие названных антропонимов в колымских текстах дает основание предположить, что некогда здесь пелись старины на сюжеты «Волх Всеславьевич», «Сухман» и «Потык». Таким образом, число сюжетов, известных Колыме, может вырасти до 17.

Колымская былинная традиция сохранила архаичные версии отдельных сюжетов: «Добрыня и Змей» (с одним боем противников) и «Иван Гостиный сын» (с четко выраженной брачной темой). В то же время в данном регионе явлены и активные творческие процессы, ведущие к удачным трансформациям

⁴³ Смирнов Ю. И. Былина «Садко»: состав и некоторые параллели // Фольклор: Традиция и эксперимент. М., 2018. Т. 11. С. 205–307.

эпических сюжетов: Иван Кулаков замещает классического Ивана Гостиного сына; на основании мотивов из нескольких сюжетов создается местная версия «Ивана Годиновича»; прямое влияние рукописной традиции на былины читается в сюжете «Михаил Данилович — малолетний богатырь».

Определенные наблюдения дают антропонимический и топонимический ряды колымских былин. Как мы уже указывали, Илья Муромец не является популярным героем в местном былинном репертуаре. Здесь зарегистрировано всего два сюжета из обширнейшего цикла об Илье. Более того, имя Ильи Муромца как второстепенного персонажа в других сюжетах не встречается ни в одном из записанных колымских текстов. Добрыня Никитич и Алеша Попович, напротив, помимо сюжетов, специально им посвященных, зафиксированы также в текстах, где эти герои факультативны. Именно они направляются князем Владимиром на родину Дюка Степановича, чтобы описать его богатство (Скрыбыкина, № 7); Добрыня и Алеша вместе с Потопом Михайловичем (= Иваном Годиновичем) едут сватать невесту для главного героя (Скрыбыкина, № 21); Алеша Попович оказывается на Соколе-корабле (Скрыбыкина, № 19). В одном из поздних вариантов сюжета «Михаил Данилович — малолетний богатырь» Добрыня Игнатьевич (так!) и Олеша Попович по поручению солнышка Владимира едут к Мише Данильевичу, чтобы привезти его к князю (РЭПС, № 59).

Топонимы в былинах Колымы демонстрируют разнонаправленные векторы. С одной стороны, колымские былины в ряде текстов твердо сохранили имя стольного Киева (эпитет *славный* Киев здесь не встретился). Киев зарегистрирован в былинах «Алеша Попович и Тугарин» (Скрыбыкина, № 4), «Добрыня и Змей» (Скрыбыкина, № 5), «Дюк Степанович» (Скрыбыкина, № 7), «Михаил Данилович — малолетний богатырь» (Скрыбыкина, № 13, 23), «Туры» (Скрыбыкина, № 17, 18), «Илья Муромец на Соколе-корабле» (Скрыбыкина, № 19), «Иван Гостиный сын» (Скрыбыкина, № 20), «Иван Годинович» (Скрыбыкина, № 21). На Колыме известны исконные эпические топонимы Чернигов (Скрыбыкина, № 3, 4, 19, 20), Новгород (Скрыбыкина, № 3), Святая Русь (Скрыбыкина, № 7; РЭПС, № 57 и 58), Хвалынское море (Скрыбыкина, № 19), Алатырь камень (Скрыбыкина, № 5, 7, 22). С другой стороны, на материале былин о Добрыне Никитиче мы отметили забвение важных для эпоса топонимов (Скрыбыкина, № 9, 22, 24), что является следствием начала разрушения песенно-эпической традиции. Замена Киева Москвой в одном из вариантов «Туров» (Скрыбыкина, № 14) — это также поздняя черта в традиции.

Колыму надо рассматривать как срединное звено между региональными традициями Индигирки (Русского Устья) и Анадыря (Марково). Системное описание песенно-эпической традиции Русского Устья⁴⁴ демонстрирует весьма выразительное схождение репертуаров Индигирки и Колымы. В Русском Устье зарегистрированы сюжеты, известные на Колыме: «Добрыня и Змей», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Илья Муромец и Идолище» (со следами «Ильи Муромца на Соколе-корабле»), «Михаил Данилович — малолетний богатырь», «Дюк Степанович», «Садко и Морской царь». Два русскоустьинских сюжета — «Суровец» и «Наезд литовцев» — на Колыме не зафиксированы. Репертуар Анадыря гораздо скромнее («Илья Муромец на Соколе-корабле», «Илья Муромец и нахвальщик», «Добрыня и Маринка», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Дюк Степанович», «Иван Гостиный сын (Иван Кулаков)»), что вызвано, без сомнения, крайне неудовлетворительной историей собирания былин на этой реке. Определенное сопоставление былин названных регионов было сделано в свое время Л. Н. Скрыбыкиной, однако, на наш взгляд, требуются дальнейшие изыскания в этом направлении.

⁴⁴ Иванова Т. Г. Былинная традиция Русского Устья. С. 5–24.

SUMMARIES

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3679-4634

tgivanova@inbox.ru

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ КОЛЫМЫ

THE EPIC TRADITION OF KOLYMA

В статье освещается история заселения Колымы (с XVII века) с ее историческими поселениями Нижнеколымск и Походск. Описывается история собирания былин в регионе (Д. И. Меликов, В. Г. Богораз, С. И. Боло). Дается характеристика колымских былин. Обращается внимание на архаические версии отдельных сюжетов; на влияние рукописной традиции («История Иудейской войны» Иосифа Флавия) на былинку «Михаил Данилович — малолетний богатырь». Указывается на прямые связи Колымы с Индигиркой (Русское Устье).

Ключевые слова: Колыма, заселение региона, история собирания былин.

The article outlines the history of populating Kolyma (beginning with the 17th century) and of its historical settlements, Nizhnekolymsk and Pokhodsk. The history of epic songs (*bylinys*) collecting in the region is described (D. I. Melikov, V. G. Bogoraz, S. I. Bolo). The local *bylinys* are analyzed. Archaic versions of certain story lines are highlighted, as well as the influence of the manuscript tradition (*The Wars of the Jews* by Josephus Flavius) on one of the epic songs, *Mikhail Danilovich, an Underage Warrior*. Direct links between Kolyma and Indigirka (Russkoye Ustye) are established.

Key words: Kolyma, populating the region, *byliny* collecting history.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Фольклор Русского Устья // Фольклор Русского Устья / Изд. подг. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986.
2. Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
3. Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтносы русских: Проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы. СПб., 2008 (Историческая этнография; вып. 3).
4. Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.
5. Визгалов Г. П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме, результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011.
6. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966 (Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; т. 89).
7. Зуев А. С. Верхнеколымский остров // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1.
8. Зуев А. С. Нижнеколымск // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2.
9. Иванова Т. Г. Былинная традиция в бывшем Енисейском округе (уезде) // Эпосоведение. 2023. № 1.

10. Иванова Т. Г. Былинная традиция Русского Устья // Эпосоведение. 2023. № 4.
11. Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения–2003». Петрозаводск, 2003.
12. Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах. СПб., 2023.
13. Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. В. Н. Путилов, В. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
14. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Верхнеколымск // Сокровища культуры Якутии. Якутск, 2011.
15. Петрова Л. И. «Туры» в эпической традиции Западного Поморья // Традиционная культура. 2016. № 3.
16. Путилов В. Н. К вопросу о составе разинского цикла (Былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6.
17. Раев Д. В., Резун Д. Я., Туманик Е. Н. Среднеколымск // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3.
18. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991.
19. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. Новосибирск, 1995.
20. Смирнов Ю. И. Былина «Садко»: состав и некоторые параллели // Фольклор: Традиция и эксперимент. М., 2018. Т. 11.
21. Среднеколымск // Энциклопедия Якутии. М., 2000. Т. 1.
22. Строгова Е. А. Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования // Арктика и Север: Электронный журнал. 2014. № 16.
23. Строгова Е. А. Стадухинский острог в исторических источниках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011.
24. Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М.; СПб., 2023.
25. Чарина О. И. Былина о Тите Харафонтьевиче, записанная Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае Якутской области в 1893 году // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3.
26. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8.
27. Чикачев А. Г. Походск: Старинное русское село на Колыме. Иркутск, 1993.
28. Шенталинская Т. С. Богораз Владимир Германович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2016. Т. 1.

References

1. Alekseev A. N. Pervye russkie poseleniia XVII–XVIII vv. na Severo-Vostoke Iakutii. Novosibirsk, 1996.
2. Azbelev S. N. Fol'klor Russkogo Ust'ia // Fol'klor Russkogo Ust'ia / Izd. podg. S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N. A. Gabyshev i dr. L., 1986.
3. Buzin V. S., Egorov S. B. Subetnosy russkikh: Problemy vydeleniia i klassifikatsii // Malye etnicheskie i etnograficheskie grupy. SPb., 2008 (Istoricheskaia etnografiia; vyp. 3).
4. Charina O. I. Bylina o Tite Kharafont'eviche, zapisannaia D. I. Melikovym v Nizhnekolymskom krae Iakutskoi oblasti v 1893 godu // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2011. № 3.
5. Charina O. I. Zapisi fol'klora, proizvedennye D. I. Melikovym v Nizhnekolymskom krae v 1893 g. // Iz istorii russkoi fol'kloristiki. SPb., 2013. Vyp. 8.
6. Chikachev A. G. Pokhodsk: Starinnoe russkoe selo na Kolyme. Irkutsk, 1993.
7. Gurvich I. S. Etnicheskaiia istoriia severo-vostoka Sibiri. M., 1966 (Tr. Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia; t. 89).
8. Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov / Izd. podg. B. N. Putilov, B. M. Dobvol'skii. M.; L., 1960.
9. Ivanova T. G. Bylinnaia traditsiia Russkogo Ust'ia // Eposovedenie. 2023. № 4.
10. Ivanova T. G. Bylinnaia traditsiia v byvshem Eniseiskom okruge (uezde) // Eposovedenie. 2023. № 1.
11. Ivanova T. G. Byliny v Velikoustiuzhskom regione // Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Riabininskie chteniia–2003». Petrozavodsk, 2003.
12. Ivanova T. G. Istoricheskoe prostranstvo v bylinakh. SPb., 2023.
13. Khlybova T. V. Kaliki Sviatoi Rusi: opyt imagologii. M.; SPb., 2023.
14. Opolovnikov A. V., Opolovnikova E. A. Nizhnekolymsk // Sokrovishcha kul'tury Iakutii. Iakutsk, 2011.

15. Petrova L. I. «Tury» v epicheskoi traditsii Zapadnogo Pomor'ia // Traditsionnaia kul'tura. 2016. № 3.
16. Putilov B. N. K voprosu o sostave razinskogo tsikla (Bylina o Sokole-korable) // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. M.; L., 1961. T. 6.
17. Raev D. V., Rezun D. Ia., Tumanik E. N. Srednekolym'sk // Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 3.
18. Russkaia epicheskaiia poeziia Sibiri i Dal'nego Vostoka / Izd. podg. Iu. I. Smirnov i T. S. Shentalinskaia. Novosibirsk, 1991.
19. Shentalinskaia T. S. Bogoraz Vladimir Germanovich // Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. SPb., 2016. T. 1.
20. Skrybkina L. N. Byliny russkogo naseleniia severo-vostoka Sibiri. Novosibirsk, 1995.
21. Smirnov Iu. I. Bylina «Sadko»: sostav i nekotorye paralleli // Fol'klor: Traditsiia i eksperiment. M., 2018. T. 11.
22. Srednekolym'sk // Entsiklopediia Iakutii. M., 2000. T. 1.
23. Strogova E. A. Istoki kul'turnoi traditsii russkikh starozhilov Nizhnei Kolymy po dannym kompleksnogo issledovaniia // Arktika i Sever: Elektronnyi zhurnal. 2014. № 16.
24. Strogova E. A. Stadukhinskii ostrog v istoricheskikh istochnikakh // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk, 2011.
25. Vakhtin N., Golovko E., Shvaits'er P. Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniia. M., 2004.
26. Vizgalov G. P. Novye arkheologicheskie issledovaniia Stadukhinskogo poseleniia na Nizhnei Kolyme, rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk, 2011.
27. Zuev A. S. Nizhnekolym'sk // Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 2.
28. Zuev A. S. Verkhnekolym'skii ostrog // Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 1.

Екатерина Алексеевна Майчак

независимый исследователь

Ekaterina Alekseevna Maichak

Independent Researcher

ORCID: 0009-0002-3514-5368

rivkamaichak@gmail.com

ДУХОВНЫЙ СТИХ, НАЙДЕННЫЙ

У ИВАНА КРУПЕННИКОВА:

К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ ХРИСТОВЩИНЫ

A SPIRITUAL VERSE OWNED BY IVAN KRUPENNIKOV:

AN ENQUIRY INTO THE RELIGIOUS

POETRY OF THE *Khlysty* SECT

В статье анализируется генезис религиозной поэзии христовщины на примере духовного стиха, обнаруженного следователями у одного из лидеров этого движения 1730–1740-х годов — купца Ивана Крупенникова. Высказывается предположение о связи духовных песнопений хлыстов со светской песенной культурой той эпохи.

Ключевые слова: духовная поэзия христовщины в XVIII веке, песни о гостинном сыне, исторические песни.

The article analyzes the religious poetry of the Khlysty sect, focusing on spiritual verses from the heritage of Ivan Krupennikov, a prominent member of the Moscow congregation in the 1730s —